

59. Граматыка беларускай мовы: У 2 т. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. К. К. Атраховіч, М. Г. Булахаў. – Мінск : Выд. АН БССР, 1962. – Том I. Марфалогія. – 540 с.
60. Сучасная беларуская літаратурная мова: Марфалогія: вучэб. дапам. / Н. В. Гаўрош, М. Ц. Кавалёва, Н. М. Нямковіч і інш.; пад агульн. рэд. М. С. Яўневіча. – Мінск : Выд. Ул. М. Скакун, 1997. – 288 с.
61. *Шуба, П. П.* Час дзеяслова / П. П. Шуба // Беларуская мова: энцыкл. / пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 609–610.
62. *Храковский, В. С.* Аналитическая конструкция, аналитическая словоформа, аналитическое слово / В. С. Храковский // Аналитические конструкции в языках различных типов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – М.-Л. : Наука, 1965. – С. 209–221.
63. *Абабурка, М. В.* Параўнальная граматыка беларускай і рускай моў: вучэб. дапам. для ВНУ / М. В. Абабурка. – Мінск : Выш. шк., 1992. – 224 с.
64. *Мацкевіч, Ю. Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове / пад рэд. Р. І. Аванесава. – Мінск : Выд. АН БССР, 1959. – 294 с.
65. *Тарашкевіч, Б. А.* Беларуская граматыка для школ / Б. А. Тарашкевіч. – Мінск : Нар. асвета, 1991. – 132 с.

In the article, verb-forms contributing to the specificity of the grammatical systems in English and Belarusian are identified on the basis of the contrastive approach, and further analysed. These are Continuous Tense forms and Perfect Tense forms in English, and Plusquamperfect forms and forms of Complex Future II in Belarusian. In the course of the analysis of the grammar data of the two languages, the semantic characteristics of these forms are summarized – both prototypical meanings and meanings derived from them, which indicate a complex and ambiguous correlation of the semantics of the verb-forms in English and Belarusian.

Поступила в редакцию 16.07.2019

А. А. Бююмена

СОДЕРЖАНИЕ МЕДИАТЕКСТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИТУАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

В статье исследуется явление речевой агрессии в белорусских газетах в прессе 30-х, 40-х, 90-х гг. XX века. Установлено, что в сложные для общества исторические периоды (война, политический и экономический кризис и т.д.) агональность медийного текста резко возрастает, при этом объект речевой агрессии зависит от конкретного социально-исторического контекста. Описаны агрессивные речевые тактики и средства выражения агрессии в указанные периоды (использование специфических номинаций, синтаксических конструкций, прецедентных текстов и др.).

Информационная картина мира, конструируемая средствами массовой информации, отличается неизбежной субъективностью [1; 2], которая обусловлена условиями жизни общества в конкретную историческую эпоху и существующими идеологическими и культурными установками. Среди

факторов, оказывающих влияние на форму и содержание газетных материалов, И. П. Лысакова выделяет, в первую очередь, типологические признаки издания, социально-психологические особенности читательской аудитории и социально-исторические условия функционирования государства (политическая, экономическая, социально-классовая характеристика общества) [3, с. 27].

Можно предположить, что газеты, издающиеся в кризисные для развития общества периоды, могут иметь высокий уровень агрессивности. Проанализировав материалы центральной белорусской газеты «Советская Белоруссия» за весь период ее существования (газета издается с 1927 г., до 1931 г. она носила название «Рабочий»), мы обнаружили, что наибольшей степенью речевой агрессии отличаются номера, выпущенные в 30–40-е, а также в первой половине 90-х годов минувшего столетия. Под речевой агрессией, вслед за К. Ф. Седовым, мы понимаем «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия [4, с. 90].

Тридцатые годы XX в. вошли в историю как время политических репрессий, направленных на выявление «врагов народа», занимающихся «вредительством» [5, с. 265]. Также в указанный период продолжается начатая в первые послереволюционные годы пропаганда коммунистической идеологии и формирование в печати образа советской власти как «власти народа, от имени которой выступает партия коммунистов» [6, с. 8].

Содержание газет в данное время отличается высокой степенью политизации, рассматриваемой исследователями в качестве специфики советского строя, который «наряду с командно-административной системой управления должен был создать систему своей идеологической защиты» [3, с. 166]. Так, например, из сорока статей, размещенных в газете «Советская Белоруссия» 20 ноября 1937 г., треть материалов освещает тему предстоящих выборов депутатов Верховного Совета СССР. Половина из них носит официально-деловой характер, отличается положительной идеологической модальностью и написана казенным клишированным языком: «*Советский город во главе избирательной кампании*»; «*Тов. Белов на предвыборном совещании в Смолевичах*» и т.п. Другая часть материалов, посвященных теме выборов, – это статьи негативного характера, описывающие различные недостатки на местах при проведении избирательной кампании: «*Нерадивые строители*»; «*Подозрительная небрежность*»; «*Там, где отсутствует бдительность*».

Большое внимание в газете уделяется письмам, поступившим в редакцию, преимущественно негативного характера. В них обычно критикуют руководителей и должностных лиц различных организаций: «*Вредная отсебятина*»; «*Недопустимое издевательство*»; «*Удивительная беззаботность*». Как в представленных заголовках, так и в основном тексте статей можно наблюдать обилие негативно оценочных слов, например, *издева-*

тельство, небрежность, ошибка, волокита, враг, нарушение, плохой, головоотяпский, недопустимый, варварский, безответственный, бездеятельный, бездушный, бюрократический, грубейший, мариновать, вредительский, преступный, заклятый, нет, не удосужиться, недооценивать, срывать, разбазаривать: **Бюрократия, волокита, нечуткость** к людям, к их жалобам и нуждам по-прежнему процветают в наркомате; Спрашивается, долго ли еще на Главном почтамте в Минске будут мириться с такими **безобразиями**?; В списках избирателей Гричанского сельсовета, Минского района, допущены **грубейшие нарушения и ошибки**; **Не руководят** важнейшей работой; **Нет** борьбы с сорняками; **Срывают** отгрузки крепежа Донбассу; **Разбазаривают** колхозное сено. Отметим, что указанные лексические единицы, несущие сильный негативнооценочный заряд, обычно подвергаются десемантизации в газетном тексте, в результате чего в значениях этих слов остается лишь резкая отрицательная оценка, остальные семантические компоненты нейтрализуются. В проанализированных статьях данные единицы регулярно употребляются, в том числе в заголовках, для описания недочетов в работе людей любой профессии, преимущественно руководителей местного уровня. В 30-е, так же, как и в 20-е годы XX века, обсуждение в прессе негативных действий местной власти считалось «проявлением народовластия – партия и народ совместными усилиями формируют аппарат власти, привлекая к управлению тех, кто этого заслуживает, и порицая тех, кто злоупотребляет властью» [6, с. 9]. Кроме того, негативный образ местной власти использовался в пропагандистских целях для контраста при создании мифического положительного образа центральной советской власти [6, с. 13].

В каждом номере газеты «Советская Белоруссия» в анализируемый исторический период уделяется внимание международной тематике. В подавляющем большинстве зарубежных материалов также освещаются негативные события – военные действия, борьба, забастовки, кризисы: «*Правительственный кризис в Германии еще более обострился*»; «*Военные действия в Китае*»; «*Цветные войска у мятежников*»; «*К раскрытию широкого фашистского заговора во Франции*», «*Забастовочное движение во Франции*»; «*Список японских злодеяний*»; «*Чехословакия готовится к отпору агрессору*».

Второй период высокой агрессивности белорусской прессы отмечен в первой половине сороковых годов – во время Великой Отечественной войны, когда все силы пропагандистов были направлены на обеспечение идеологической поддержки людей, воюющих на фронтах и работающих в тылу.

Основной мотив материалов газеты, которая в годы войны издавалась на белорусском языке и в соответствии с принятой в то время орфографической нормой называлась «Советская Беларусь», – призыв к борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Соответственно, в каждом номере анализируемого издания присутствуют призывы к мести и уничтожению врагов.

Приведем примеры частотных заголовков газеты: «*Радзіма кліча да бязлітаснай помсты*» (5.01.1942); «*Хочаш жыць – забі немца!*» (7.08.1942); «*Партызаны, біце немцаў іх-жа зброяй!*» (17.03.1943); «*Ярчэй распальвайце партызанскую вайну!*» (10.03.1943); «*Помсціць жорстка, бязлітасна!*» (20.03.1943); «*Наперад, на разгром ворага!*» (7.11.1943); «*Не хлеб, а штык у фашысцкае горла!*» (9.10.1943); «*На вілы ірада, ў агонь!*» (23.10.1943). Как видно из приведенных примеров, поскольку материалы издания призваны выполнять мобилизующую функцию, многие заголовки оформлены в виде лозунгов, представляющих собой восклицательные предложения.

Довольно часто в газете встречаются и заголовки, содержащие угрозы и проклятия: «*Не жыць акупантам!*» (7.08.1942); «*Немцам няма жыцця*» (20.03.1943); «*Катам не ўцячы ад расправы!*» (4.11.1943); «*Пракляце і смерць фашысцкім душагубам!*» (19.05.1943). Отметим, что до войны тактика злопожелания в материалах газеты «Советская Белоруссия» практически не встречается.

Большую группу негативных материалов составляют статьи, повествующие о зверствах оккупантов: «*Крывавы разгул фашыстаў*» (7.08.1942); «*Гітлераўцы бамбяць беларускія вёскі*» (8.03.1943); «*Стогны і слёзы*» (10.03.1943); «*Смерць ходзіць па Беларусі*» (19.05.1943); «*Зверствы гітлераўцаў у Рудзенскім раёне*» (11.02.1944).

В то же время заметки, рассказывающие о действиях Красной Армии и населения Беларуси по отношению к врагам, напротив, апеллируют к положительным эмоциям: «*Знішчылі чатырох афіцэраў*», «*Паўлікава помста*» (5.01.1942); «*Эшалоны ворага – пад адкос!*» (8.03.1943); «*На рахунку – 30 забітых фрыцаў*» (8.03.1943); «*Молодзь помсціць акупантам*» (11.02.1944).

Для обозначения захватчиков и совершенных ими преступлений в газете используется большое количество инвективных номинаций: «*Поўны правак планаў людзеда Гітлера*» (28.06.1942); «*Жывадзёры*» (7.08.1942); «*Кулю ўлоб, вілы ў чэрава – вось наш адказ нямецкім забойцам, гвалтаўнікам і грабежнікам!*» (7.08.1942); «*Немец – нелюдь, звер!*» (20.03.1943); «*Немцы не вернуцца ў сваю сабакарню!*» (20.03.1943); «*У воўчым логаве*» (19.05.1943); «*Пракляце і смерць фашысцкім душагубам!*» (19.05.1943); «*Чарговая правакацыя фашысцкіх людзедаў*» (14.08.1943); «*Ваўкі ратуюць скуры*» (6.10.1943). Данные номинации, во-первых, указывают на людей, совершивших преступление (*забойца, душагуб, жывадзёр* и под.). Во-вторых, для наименования врагов широко используются зооморфные метафоры, имеющие ярко выраженную отрицательную оценочность (*ваўкі, сабакарня, звер*). Их популярность в медиатексте можно проследить с первого дня войны, когда «Советская Беларусь» опубликовала стихотворение Я. Коласа «На цепь – кровожадного пса!»

Анализ содержания материалов, опубликованных в анализируемом издании в годы войны, выявил преобладание таких прямых агрессивных тактик, как призыв, оскорбление, угроза, проклятие, обвинение.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что наивысший градус агональности наблюдается в материалах газеты в 1941–1943 гг., когда территория республики была полностью оккупирована вражескими войсками. Начиная с конца августа 1943 г., незадолго до начала освобождения Беларуси, в прессе постепенно увеличивается удельный вес позитивно-оценочных статей, в фокусе внимания которых – восстановление экономики страны и устранение причиненного войной ущерба. Данная тенденция наблюдается сразу же после опубликования в газете 25 августа 1943 г. постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 21.08.1943 «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

Первая половина девяностых годов (1991–1995) отмечается историками как период экономического кризиса, предпосылками которого послужили смена условий государственного существования республики (провозглашение независимости и начало ее развития как самостоятельного государства) и последовавшая за этим смена условий хозяйствования (спад производства, рост инфляции и безработицы, резкое падение уровня жизни людей) [5, с. 421]. Это время дефицита и начала открытой политической борьбы. Исследователи отмечают демократизацию публицистического стиля на постсоветском пространстве, вызванную провозглашенной в конце 80-х свободой слова, отход от черно-белой интерпретации действительности, одноплановости и императивности [7; 8]. В то же время в газетном тексте усиливается субъективизация, содержание прессы становится более персонализированным. В данный период характерной особенностью СМИ снова становится обилие негативных материалов и использование лексики, заряженной преимущественно отрицательными эмоциями, которые соотносятся со сложившейся ситуацией в обществе.

Важнейшими темами газетных статей этого времени становятся повышение цен, снижение покупательной способности населения и тотальный дефицит потребительских товаров. В любом номере газеты можно найти статьи соответствующей тематики: *«Цены новые, прилавки пустые»* (3.04.1991); *«Выживут ли газеты?»* (2.04.1991); *«День икс. Товара нет, но торговля надеется, что будет»* (5.04.1991); *«А зарплата прежняя»* (4.04.1991); *«Обираловка»* (24.01.1992); *«Заработал, но не получил»* (13.02.1992); *«И “районки” дорожают»* (11.03.1992); *«“Сладкой жизни” никто не обещал»* (7.11.1992); *«Билеты на транспорт катастрофически растут»* (7.11.1992); *«Право есть – “зайчиков” нет»* (5.01.1993); *«Мнение покупателей опровергает оптимизм финансистов»* (12.01.1993); *«Общение – дорогое удовольствие»* (2.02.1993); *«Дефицит увеличивается – курс растет»* (3.02.1993); *«Не “ахайте”, скоро “ойкнете”», «Цены обещаниями не заморозить»* (22.09.1994).

В газете также публикуются материалы и о других событиях, способных вызвать отрицательные эмоции аудитории: *«О детях не подумали»* (3.04.1991); *«Двуногие взрывают землю»* (13.02.1992); *«Трагедия на*

теплотрассе» (2.02.1993); *«Лес рубят, а суд безмолвствует»* (18.03.1993); *«Отцы-беглецы да дети страдальцы»* (25.03.1993); *«Холера! Объявлено чрезвычайное положение»* (о ЧП в Украине) (22.09.1994); *«Грибники-вандалы»* (о людях, использующих при сборе грибов тяпки и грабли) (22.09.1994); *«Каждый девятый травит»* (об автомобилях, загрязняющих атмосферу выхлопными газами) (22.09.1994). По нашим наблюдениям, максимальная концентрация отрицательных статей наблюдается в период с 1991 по 1993 год, в последующие годы количество негативных и агрессивных материалов снижается, что, вероятно, связано с постепенной стабилизацией экономической ситуации в стране.

Как видно из приведенных примеров, журналисты «Советской Белоруссии» в указанный период, в отличие от 30–40-х гг., используют преимущественно косвенные агрессивные речевые тактики (насмешка, колкость, упрек, возмущение). Одним из способов вербализации данных тактик является использование прецедентных текстов, не характерное для прессы советского времени: *«Против лома нет приема»* (4.04.1991); *«О синице в руке и журавле в небе. Конфликтная ситуация на киностудии “Беларусьфильм”»* (4.04.1991); *«Финансы поют романсы»* (1.02.1992); *«Нам не страшен “серый волк”»?* (1.02.1992); *«... А в Зельве тряпками кидали»* (8.02.1992); *«Кушай Тюрю, Яша...»* (8.02.1992); *«Кот Леопольд и национальное согласие»* (6.03.1992); *«Шереше ля ... примус»* (14.03.1992); *«Опиум для народа: популярность растет»* (результаты социологического опроса в России свидетельствуют о том, что общество стало более верующим) (7.11.1992); *«Периклы»* для бани КГБ» (откровения бывшего сотрудника КГБ) (7.11.1992); *«И в трех соснах можно заблудиться»* (7.11.1992); *«Ехали мы ехали, а иногда и летели»* (7.11.1992); *«Все ниже и ниже»* (о падении курса рубля) (7.11.1992); *«Начали за упокой, закончили за здравие»* (5.01.1993); *«Пир во время чумы»* (12.01.1993); *«Хочешь жить – умей путешествовать»* (25.03.1993); *«“Айболиты” в окопах»* (22.09.1994); *«Каждому Сергею – по “серге”»* (22.09.1994). Интертекстуальность как «один из видов вторичной языковой интерпретации, в основе которой лежит процесс порождения новых знаний, возникающих на основе уже существующих концептов ... двух взаимодействующих текстов» [9, с. 11], выполняет в газетном тексте того времени функции привлечения внимания, воздействия на читателя путем навязывания ему оценок, создания экспрессии и комического эффекта. Кроме того, как отмечает А. В. Кремнева, фрагменты прецедентных текстов вносят вклад в реализацию принципа когнитивной экономии, действуя как своеобразные «смысловые триггеры», активирующие в памяти читателя все цитируемое произведение и способствуя лучшему пониманию смысла, который стремится донести до него автор [9, с. 12].

Как специфическую характеристику публицистики начала девяностых, не встречающуюся в прессе предыдущих десятилетий, следует отметить частое использование негативной информации и, соответственно, лексики с отрицательным оценочным зарядом даже в материалах, которые сообщают

о положительных событиях и ситуациях. Приведем примеры лишь из одного номера газеты за 7 ноября 1992 года: *Индия успешно развеяла миф о своей бедности и отсталости. Еще одно подтверждение тому – выставка в Минске, на которую предоставили свою продукцию 13 фирм этой страны* (статья «И, конечно же, чай» о выставке индийских товаров»); *«Дешевле только убивать»* (заголовок статьи об удешевлении охоты в России); *«Не лучшее время переживают высшие учебные заведения. Рассчитывать на полное государственное обеспечение в нынешних экономических условиях не приходится»* (статья «“Брест-ОПТИМ”: Оптимистический взгляд в завтра» о созданном на базе Брестского политехнического института коммерческом научно-производственном предприятии); *Солигорск – город белорусских шахтеров – неприятно поражает серой, даже летом, природой, горбатыми терриконами. Внести мажорную нотку в унылый городской пейзаж взялся художник Владимир Кривоблоцкий («Древо жизни» Владимира Кривоблоцкого»* – статья о том, что в Солигорске появится новое панно).

Таким образом, результаты проведенного исследования выявили зависимость содержания и языкового наполнения газетных статей от социальной, политической, экономической ситуации в стране. Агональность медиатекстов усиливается во время войн и кризисов в обществе, однако объект речевой агрессии в публицистическом дискурсе варьируется исходя из конкретного исторического периода: неудовлетворительная деятельность властей на местах в 1930-годы, борьба с фашистами во время Великой Отечественной войны, экономический кризис в первой половине 1990-х.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиасеть / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 263 с.
2. *Кормилицына, М. А.* Язык СМИ : учеб. пособие / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротина. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 92 с.
3. *Лысакова, И. П.* Язык газеты и типология прессы. Социалингвистическое исследование / И. П. Лысакова. – СПб : Филол. факультет СПбГУ, 2005. – 256 с.
4. *Седов, К. Ф.* Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 89–105.
5. История Беларуси: в контексте мировых цивилизаций : учеб-метод. пособие. / В. И. Голубович [и др.]; под ред. В. И. Голубовича, Ю. Н. Бохана. – 2-е изд. – Минск : Экоперспектива, 2010. – 464 с.
6. *Сарычева, А. М.* Образ советской власти в центральных партийных изданиях в 1917 – 1927 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / А. М. Сарычева. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. – 17 с.

7. Сиротинина, О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. – 116 с.
8. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ : средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 160 с.
9. Кремнева, А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / А. В. Кремнева; Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова. – Барнаул, 2019. – 42 с.

The article discusses aggressiveness in the Belarusian press in the 1930s, 1940s, 1990s and outlines the dependence of the press content on the social, political and economic situation in the country. Various means of expressing aggression in the media texts are described.

Поступила в редакцию 24.06.2019

И. А. Виноградов

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

Концепт «преступление» – один из ключевых концептов правовой картины мира. В статье анализируются языковые средства, которые используются для описания номинативного поля этого концепта в англоязычном художественном, русскоязычном художественном, юридическом и публицистическом дискурсах. Определяются образные признаки, информационное поле и интерпретационное содержание (энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная зоны). Все языковые репрезентации концепта «преступление» могут быть разделены в зависимости от объекта, против которого совершены преступные действия, на следующие группы: преступления против человека, преступления против государства и общества, преступления против человечества.

Ключевым концептом правовой картины мира является концепт «преступление». Изучение языковых средств выражения смыслового объема культурологически значимых концептов важно для понимания специфических особенностей каждой национальной культуры и для успешного взаимодействия культур. Актуальность исследования концепта «преступление» объясняется тем, что оценка преступления в том или ином юридическом, художественном, публицистическом тексте позволяет сделать выводы об актуальности определенных норм в лингвокультуре и отношении к ним с точки зрения законодательства, морали и т.п. Моральная оценка часто может совпадать с правовой, когда поведение или поступок оцениваются как должные, запрещенные, дозволенные, опасные для общества, влекущие или не влекущие санкции. Цель статьи – определение структуры концепта «преступление» и языковых средств его репрезентации.